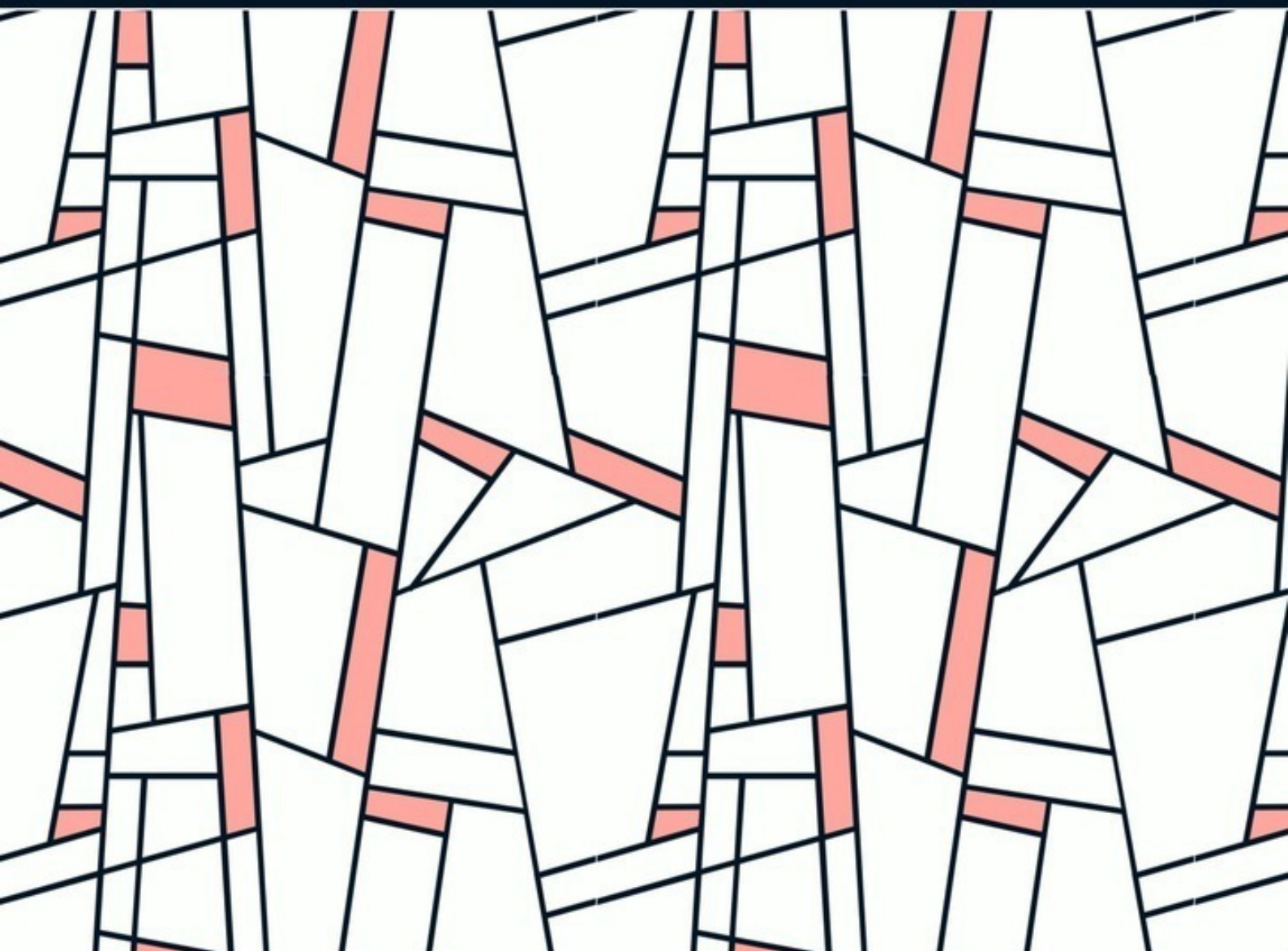

Аркадий Макаров

Буча

автобиографические записки

Аркадий Макаров

**Буча. Автобиографические
записки**

«Издательские решения»

Макаров А.

Буча. Автобиографические записки / А. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834505-0

Попавший по недоразумению работать в СПТУ молодой инженер неожиданно столкнулся с жёсткими приёмами педагогики того времени. Весёлые и озорные истории сопровождали начинающего мастера производственного обучения с первых дней его работы и явились содержанием этих записок, из которых ясно проглядываются изъёмы советской профессиональной школы.

ISBN 978-5-44-834505-0

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Чукча	6
Первые уроки педагогики	10
Эмиссар перестройки	13
Палыч	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Буча

Автобиографические записки

Аркадий Васильевич Макаров

*А в нашей буче, молодой, кипучей, —
и того лучше.*
Поэма «Хорошо!» Вл. Маяковский

© Аркадий Васильевич Макаров, 2016

ISBN 978-5-4483-4505-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чукча

Работать в тамбовское восьмое строительное производственно-техническое училище, сокращённо СПТУ-8, я попал по недоразумению.

Сначала, после окончания института я трудился прорабом в ПМК-7, седьмая передвижная механизированная колонна. Слово «трудился» мало подходит для этой должности предводителя «варягов» в колхозных хозяйствах области. Хотя, какой из меня предводитель?

Настоящим и действительным предводителем и атаманом в ту золотую пору был у нас начальник ПМК Завьялов Лев Давыдович. Вот был предводитель, так предводитель! Атаманил, невзирая на уголовный кодекс. Его задача была одна – приехать на шикарной чёрной «Волге», покрыть матом бригаду монтажников со мной вместе, потом нырнуть в правление колхоза, для которого мы монтировали зернохранилище, вылезти оттуда никаким, забраться раком в машину, и, погоняя шофёра, убраться восвояси.

Однажды, после такого заезда, вползая в легковушку, он обронил из кармана пухлую пачку денег и умчался.

Мы, чтобы не попасться на глаза нашему атаману, в это время прятались в одном из огромных стальных стаканов – заготовки для монтажа башен.

Удивлению и радости не было конца – вот он коммунизм на лицо, какой! Яркие сторублёвки, шутя и играя, загонял ветер запросто в гущу спелой пшеницы.

Хватило и на известную нужду монтажников и на, вечно ворчливых от безденежья, жён.

Долго потом искали, в уже скошенном поле, хотя бы листик – пустая стерня только колола руки.

Лев Давыдович о деньгах так и не вспомнил. Этого добра у него всегда хватало.

Деньги он носил во всех карманах. Бывало, полезет закурить, а вместе с пачкой сигарет в ладони оказывается или «стольник», или четвертная.

Страна, в то застойное время, на колхозы не скупилась. Металл – прокат любого профиля: балки, трубы, дефицитное в личных хозяйствах кровельное железо – всё шло валом.

– Так! – вызывает меня Лев Давыдович в конце месяца, и подаёт бумажку, – Включи в затраты сверх сметы то-то и то-то!

– Лев Давыдович, я уже процентовку подписал! Всё – согласно сметы!

– На, вот тебе! – достаёт из кармана радужный веер денег, – Купи главному инженеру колхоза пару бутылок коньяка, да не скупись! Купи армянского! Пару плиток шоколада, того, настоящего, горького. Лимончиков прихвати и топай! Я с ним договорился. А процентовку перепиши заново. Включи туда сверхнормативные затраты. Он подпишет. Остаток денег возьми себе. Жене подарок сделай. Ты, я слышал, женился недавно. Жена, говорят, красивая. Познакомь как-нибудь, ладно?!

И ты идёшь униженный и оскорблённый делать приписки, гнать фуфло, если хочешь работать.

Пришёл домой, рассказал жене. А жена общественница, студентка ещё. Прямая, как не знаю кто.

– Уходи! Увольняйся, пока тебя не посадили! Если не уволишься, сама пойду в ОБХСС и заявлю, чтобы тебя огородить от тюрьмы. Уходи с работы!

Что делать? Написал заявление по собственному желанию. Зашёл в кабинет. Лев Давыдович с трубкой возле уха за столом. Кивает мне по-свойски: садись, мол.

В трубке разговор долгий. Лев Давыдович морщиться. Кому-то говорит: «Всё! Всё, всё!» И ко мне:

– Чего тебе?

Я подаю ему заявление и деньги. Он вопросительно смотрит на бумагу:

- Что, мало дал? – и лезет в карман.
- Лев Давыдович, трус не играет в хоккей!
- А, понимаю, понимаю! Так бы и сказал...
- Вот и говорю!

Быстрый кудреватый росчерк. Пододвигает бумагу и деньги в мою сторону.

Беру заявление, а деньги оставляю на столе.

- Забирай башли! Они твои! Это тебе вместо перерасчёта.

- Тут многовато будет...

– Бери, бери! Я тебе в этом месяце прогулы поставлю, чтобы кадровик не мучил. Вот тебе и расчёт за просчёт!

Что ни говори, а человек был наш предводитель! И с юмором.

Уволился. А места хлебного жалко. Куда пойти? Снова к ребятам сварщиком? Неудобно как-то. Скажут, не смог инженером работать... В «Союзпроммонтаж» податься... Там всегда вакансии. Но на монтаже и прорабом не сладко. Вечные командировки и переезды по всей стране, а у меня жена студентка...

Уткнулся глазами в наш исследовательский институт резиновой промышленности, где правдами и неправдами сочинял диплом по производству и вулканизации автомобильных шин. Диплом защитил на «ура!» Может, вспомнят заслуги? Возьмут... Буду сидеть под крышей, в тишине...

Кадровик там строгий, из бывших военных, Петром Алексеевичем величают, как нашего первого императора.

Помялся возле двери. Кашлянул в кулак. Постучал в дымчатое и тусклое стекло кабинета. Тихо. Приоткрыл дверь. Сам Пётр Алексеевич, скрестив на груди руки, что-то внимательно высматривает в окне. Ну, точь в точь, как тот император перед прорубленным окном в Европу.

- Разрешите?

- Разрешаю! – говорит, не оборачиваясь, и всё продолжает смотреть в окно.

Я молча мнусь у двери.

- Нету! – говорит Пётр Алексеевич.

Я никак не пойму, чего такого «нету», и осматриваюсь вокруг себя.

- Не ищи! Места для тебя у нас нет.

- Пётр Алексеевич, а как вы догадались, что я работу ищу?

– Ты ж ко мне не покурить пришёл. Я смотрю, ты за дверью уж очень робко топчешься. Ну, думаю, ещё один студент место ищет.

Я в растерянности оглянулся на дверь. Весь коридор – в стекле, как на ладони. Двери с обратной стороны зеркальные, а из кабинета всё видно: кто голову над чертежами ломает, а кто в курилке пропадает – вот она и прогрессивка в конце месяца!

- Иди, давай! Нам настоящие инженеры нужны, а не статисты!

Мне стало так неудобно и стыдно за свою самоуверенность, что я быстро выскользнул за дверь в надежде, что никто не узнает о моей попытке, прислониться к людям науки, где ценятся творческие личности, которые на «ты» с математикой и физикой. А у меня по высшей математике стоит длинный, и то внатяжку, похабный «уд»...

Вылетаю на улицу, и – вот она, удача! Перед институтом на лавочке сидит и мирно курит короткую изогнутую трубку наш преподаватель на курсе по основам взаимозаменяемости.

- Здравствуйте, Алитет Демианович!

Интересный человек, настоящий гениальный чукча, неизвестно какими судьбами попавший на серединную чернозёмную Россию. Его настоящее имя было – Алелекэ-кай. Приставка «кай», говорит о принадлежности к известному мужскому роду китобоев-охотников. Но, студенты его называли проще – Алитет. «Алитет в горы не уйдёт, но зачётка под рукой – всегда лучше!» – говорили студенты и протягивали синий складень, где всегда можно надеяться

на твёрдую тройку. «Основы взаимозаменяемости», предмет мудрый, но муторный. Сколько ни учи, а на зачётах всегда споткнёшься. Вот тогда-то и выручает Алитет Демианович, Демьянович по-русски.

Знаменитый человек, этот Алелекэ-кай! О нём по институту ходили легенды. Чукча – и математик! Да ещё какой! С одной логарифмической линейкой в нашем НИИ химического машиностроения любые несущие конструкции и узлы рассчитывал. За что его, несмотря на болезненную слабость, держали сверх штата. Вроде, как почасовика. И в нашем учебном заведении он тоже был почасовиком. Попала шлея под хвост, запил мужик, – а он у нас по штату не числится!

Сам-то он стеснялся своей слабости, но иногда горько отшучивался: мол, вот она, колониальная зависимость что делает! Боялся своей, как у всех северных народов, генетической предрасположенности. С нами, вечерниками, он держался запросто. Иногда можно было его увидеть и в наших шумных компаниях за празднованием какого-нибудь случая. Человек он был сравнительно молодой и пользовался, невзирая на слабость, вниманием одиноких «студенток-очаровашек», которым его болезнь не мешала, а даже помогала расслабиться и окунуться в соблазн.

Такой он был человек...

Товарищеские чувства связывали и меня с ним. Было дело и ночной город копытили вместе подстёгнутые весёлым наездником-хмелем.

– Здорово, студент, здорово! – пододвинулся на скамейке высвободив мне место. – Присаживайся. В чём проблема?

– А! – махнул я рукой и полез за сигаретами.

– Что, с Петром Алексеевичем общий язык не нашёл?

– В разных мы с ним категориях, Алитет Демианович?

– Сколько раз говорить, что я не Алитет! Меня зовут Алелекэ-кай. Зови лучше просто, по-русски – Демьяныч. И – все дела! С работой проблемы?

– Ворьё кругом! Под монастырь чуть не подвели в ПМК. Там у нас такой жучила, что пробы негде ставить! «Вот они, деньги! – говорит, – бери, сколько рука захватит!» А у меня хватательный инстинкт отсутствует, – обернулся я к чукче, показывая раскрытую ладонь, что она плохо сжимается в горсть.

– Что так? Переформатироваться не можешь? Я вот тоже...

А, что «тоже»? Он так и не досказал. На его лице молодого загорелого японца отобразилась грустная улыбка. От «Демьяныча» уже густо пахло хмелем. Было видно, что у него сегодня с утра – «день свободен!».

– Выпьём? – спросил он более утвердительно, чем с вопросом.

– Коже не до плясок, когда хозяин нож точит, – попробовал я отшутиться. – Работу ищу!

– Это у тебя на лице написано. Работа, – он снова грустно усмехнулся, – не Алитет, в горы не уйдёт! Раздели с чукчей пару минут, и чукча тебе поможет...

Он достал из потрёпанного кожаного портфеля узкогорлую бутылку. К моему удивлению это был дефицитный для того времени армянский коньяк «Отборный». Каким образом коньяк оказался у Алитета, неизвестно, при мне он всегда пил наш местный горельский вермут или такого же качества портвейн три семёрки.

Я боязливо покосился на окно кабинета кадровика:

– Пётр Великий бдит!

– А, – пустое! Я сегодня все работы сдал на подпись, и теперь в свободном плавании.

Пить с утра, и в такой момент мне действительно не хотелось. Я для убедительности сослался на свой хронический холецистит.

– Ну, болей дальше! – «Демьяныч» с неохотой спрятал бутылку снова в портфель. – Гнилое место! – указал он на фасад института. – Ты здесь и месяца не протянешь, головоломки

и ребусы отгадывать. Не твоё это дело! Вон через дорогу ПТУ там у меня директор знакомый. Пойдём!

«Попробовать что ли? Может, из меня тоже педагог получится... Заманчиво всё-таки! Чем чёрт не шутит, пока бог спит...» – соображал я, почёсывая затылок.

– Пойдём! Там, я знаю, преподаватель спецтехнологии требуется, – нехотя поднялся мой високоумный и уникальный чукча со скамейки. Было видно, что ему не хочется покидать насиженное место. Но, чукча сказал – чукча сделал!

Первые уроки педагогики

Через пару минут я со своим другом уже стоял в директорском кабинете. Там шли какие-то разборки. У стола корячился, как в схватке живота, косматый, с грязными патлами до плеч, великовозрастный балбес, а рядом, придерживая его за рукав, оправдываясь, что-то тараторила сидящему за столом директору, моложавая женщина. У директора, мужчины свирепого вида, нервно поигрывали крутые желваки на скулах.

Неожиданно, не обращая на нас внимания, он вскочил из-за стола, огромной горстью схватил балбеса за пакли, сшиб его наземь, и широким, на толстой подошве ботинком, прижал грязные войлочные космы к полу. Голова несчастного, как перед палачом, с услужливо вытянутой, ещё мальчишеской шеей и вывернутыми белками глаз, покорно утупилась в ботинок.

– Нож! – не обращаясь ни к кому конкретно, прорычал мучитель.

Мой напарник спокойно взял со стола полуметровый тесак с наборной рукоятью и подал в широкую ладонь свирепого садиста.

Мне почему-то сразу же расхотелось работать педагогом. Нехорошо заглодело под ложечкой, густо по спине побежали мурашки, и, под хлестанный инстинктом самосохранения, я кинулся к двери – бежать! Непременно бежать! Но тут гениальный чукча быстро перехватил меня поперёк туловища:

– Куда?

Я с ужасом уставился на жуткую картину.

Директор, ловко перекинув нож в правую руку, нагнулся над жертвой. Быстрый взмах тесаком, и вот уже у мучителя в горсти оказались вяло поникшие космы доморощенного блатняка. Он сразу как-то ослаб, потерял цвет и по-детски, шмыгая носом, расплакался.

– Держи на память! – Главный педагог училища отбросил тесак на стол и сунул ржавые космы за пазуху несчастного. – Иди на урок! И, чтоб ты мне больше на глаза не попадался! Иди! Вот работёнка, мать её! С тесаком на урок пришёл, – кивнул вслед ушедшему. Потом к нам: – Привет-привет! – жмёт руку Алитету. Молча подержал и мою руку. – Нина Александровна! – крикнул в дверь. – Накрой нам стол! Война войной, а обед – вовремя! Ко мне – никого!

Я с удивлением смотрел, как хозяин кабинета молча подошёл к неказистому, сбитому из древесно-стружечной плиты шкафу, где пылилась с выцветшей от времени обложкой руководящая методическая литература, ловко повернул шкаф, и мы оказались в тесноватой, но уютной со всех сторон комнате, правда, без окон, – вероятно, от постороннего глаза. Весь передний угол занимал высокий белый холодильник. На маленьком приземистом столике, покрытом зелёной шёлковой скатёркой, в стеклянных вазочках солдатскими треугольными конвертами торчали накрахмаленные салфетки. Точь-в-точь, как в ресторане. От уличной жары спасал урчащий за узорчатой решёткой ласковым котёнком небольшой вделанный в глухую стену кондиционер.

– Всё путём, однако! – кинув в угол портфель, сказал, потирая ладони, гениальный чукча и первым уселся на низкий обтянутый мягкой кожей табурет. Было видно, что он здесь частый гость и с хозяином на короткой ноге.

На краешек табурета присел и я, соображая, как себя вести, и чем кончится дело.

А дело только начиналось.

В поварском чепчике и в белом, с кружевной оторочкой, фартучке, резвая, как школьница-выпускница, впорхнула к нам с подносом в руках очаровашка из местного пищеблока. Потом ещё одна, столь же резвая, как и первая.

Вмиг на столике образовалось нечто, очень похожее на праздничный обед в ресторане. Очаровашки исчезли так же быстро, как и появились.

– Сподобимся по маленькой? – почему-то посмотрел в мою сторону хозяин кабинета, и, не оборачиваясь, привычно дотянулся до холодильника, и вот уже – она, запотевшая и чистая, как только что вынырнувшая из парной девица, бутылка отличной пшеничной водки. У меня непроизвольно засосало под ложечкой, проснулась память желудка, в котором с утра, кроме чашки чая, ничего не было.

– Не робей! – оживился чукча, и почему-то пододвинул ко мне вазочку с торчащими из неё салфетками. Я машинально вытащил одну и стал усердно протирать лежащий передо мной столовый нож.

Не будучи по жизни очень уж стеснительным, я в такой дружеской и непринуждённой обстановке, вдруг почувствовал свою ненужность и отстранённость от всего, что находилось передо мной. И ненормальный, но гениальный математик-чукча, и очевидный садист директор, и закуски, и эта соблазнительная пшеничная радость для меня были недостижимы и недоступны. Я искал работу. Вот уже около месяца я живу без денег, и мне так необходимо найти своё место – спокойный трудовой день и нормальная зарплата, а здесь сумасшедший дом какой-то!

– Бледнолицый брат мой, – подняв рюмку, высокопарно молвил Алитет, – обращаясь в стиле Майн Рида к хозяину кабинета. – Этот застенчивый молодой человек, – гениальный чукча коснулся наполненной рюмкой моего плеча, – мечтает посвятить свою жизнь благородному труду советского педагога, и ему нужно место в этом замечательном коллективе, – обвёл он рукой вокруг себя, обозначая своё устойчивое местопребывание.

Хозяин, сморщившись, словно вдруг у него заболели зубы, упёрся недружелюбным взглядом мне прямо в переносицу:

– Нет, только не педика! – неизвестно от чего взъярился хозяин. – У меня эти из пединститута, вот, где сидят! – выразительно хлопнул себя по взбагровевшей шее, это садист. – Интеллигенты, мать их так! Соплю без платочка не вышибут! А ты, директор, сам с малолетними дебилами возись. Перевоспитывай! – обрубил он свою гневную речь, протягивая и мне рюмку! – пей, студент!

Я, хоть и обиделся за «педика» и за «студента», но машинально, без слов и лишних движений опрокинул в себя нашу русскую пшеничную радость!

– Ишь ты! – восхищённо крикнул садист, и тут же снова наполнил мою рюмку. – Ты кто?

– Инженер! И монтажник – по совместительству, – осмелев, ответил я с вызовом.

– Правда? – резко, чему-то обрадовавшись, ухватил он меня за рукав. – Родной, мне, как раз, такой человек и нужен! В мастера производственного обучения пойдёшь? Спецтехнологии читать будешь! К зарплате прибавку за часы дам! А то у меня одни бабы. Распустили весь контингент! На «вы» с учениками разговаривают! Понимаешь? – по-дружески пожаловался мне. – Документы с собой?

Я достал диплом, трудовую книжку и паспорт.

Коротко взглянув в трудовую книжку, он всё вернул мне:

– Иди к моей секретарше. Оставь Нине Александровне заявление, я потом подпишу, и приходи завтра в училище. Со мной ты здесь не сидел. Запомни! Иди! Беру на работу!

Надо признаться, я не очень-то обрадовался предложению «садиста». Вопрос воспитания подрастающего поколения я полагал иным. И с неохотой поднялся: хорошо было... Стол накрыт...

Нина Александровна с готовностью подала мне лист бумаги и ручку:

– Пишите. Кому: просто – директору СПТУ-8 без фамилии, Николай Ильич не любит, чтобы его фамилию – Кривопалов, тиражировали по любому случаю. Так, так... – внимательно изучила мой институтский диплом. – А ведомость по оценкам не с вами?

Зачем ей потребовались мои оценки, ума не приложу? Я ведь не в академии собрался работать! Вот он – диплом, а вот гербовая печать! На моё пожатие плечами, Нина Алексан-

дровна посмотрела подозрительно, но, всё равно повертев диплом в руках, взяла от меня заявление и трудовую книжку:

- Завтра к восьми ноль-ноль, без опозданий на линейку!
- Какую линейку? – вырвалось у меня.

Нина Александровна с таким отвращением посмотрела на меня, словно услышала грязное, нецензурное слово в свой адрес.

Эмиссар перестройки

Как не спешил, но на «линейку» я всё же опоздал.

На первом этаже, в длинном выкрашенном тёмно-зелёной, казённого цвета краской, зевая и вяло переругиваясь, перед громогласной, высокой и нескладной в своём росте женщиной, стояло десятка два ребят в одинаковой, мешковатой – «на вырост» одежде.

Как выяснилось позже: женщину звали Ираида Васильевна, и она была комсоргом училища, несмотря на свой запоздалый возраст, но с большим комсомольским задором. А «линейку» представляли учащиеся из недавнего детдома. Остальные обитатели этого учебно-технического заведения вообще на «линейку» не вставали, и принудить их к построению не было никакой возможности. Покуривая и толкая, друг дружку, остальная часть контингента медленно тянулась из столовой после добротного завтрака.

В те времена учащихся кормили очень хорошо, а из-за их частого пропуска уроков, можно взять в столовой и повторную порцию, и даже не одну.

Да, посещаемость здесь всегда была слабым звеном в цепи обучения и воспитания, от чего на каждом педсовете страдали не только одни мастера производственного обучения. Повсеместно падала дисциплина. Кончался период «развитого социализма» и страна с очевидностью поспешно шла к развалу.

...После линейки состоялось, правда, с поправкой на пустующие стулья из-за малого числа учеников, общее собрание в красочно оформленном кабинете истории.

«Вам всё можно!» – сказал, как обрезал московский эмиссар от центрального отдела народного образования, выступая перед учениками. По его словам руководящая роль в обучении представлялась теперь по требованию нового времени, самим ученикам. «Вы должны сами выбирать себе директора и своих преподавателей!» – рубил он воздух маленькой ладонью. – В стране идёт перестройка, и борьба с косностью, это первоочередная задача нашей партии. Теперь вы, молодые, стоите у руля вашего учебного заведения. Гласность и самоуправление побеждает во всех сферах жизни. Вперёд к новой экономической политике!»

Речь его была путанной, но заражала энтузиазмом. Школяры что-то не в лад громко выкрикивали, смеялись, хлопали по столам крышками и бестолково гомонили.

Самоуправление и повсеместная гласность, дело хорошее, но, как это всё связать и осуществить на практике, никто не знал. Только все сразу воодушевились новшеством. Первой поднялась Ираида Васильевна и торжественно произнесла клятву гласности. «Партия объявила гласность в стране, поэтому мы должны каждый на своём месте раскрыть публично все свои недостатки и пороки в обучении молодого поколения. Теперь не будет никаких тайн от наших любимых учеников».

Эмиссар-куратор из Москвы энергично похлопал пухлыми ладошками: – Меньше формализма, а больше свободы на местах. Гоните метлой педагогическую косность и замшелость в учебном процессе! Всем привет! – привскочив со своего места, помахал он ручонками в сторону неумолчных школяров и отправился, по выражению счастливого лица, вместе с директором и заместителем директора по воспитательной работе, женщиной со всех сторон ладной, в тот благословенный и насиженный гостями кабинет.

– Пойдёмте со мной! – взяла меня за руку одна из сотрудниц, довольно пожилая женщина, но с быстрой и молодой походкой.

Нырнув под лестницу, мы оказались с ней, судя по деревянным счётам и бумагам на столе, в бухгалтерии. Старушенция, наверное, работала здесь кассиром.

Перебрав на широком столе листки, она зацепила один из них сухими, жёсткими пальцами.

– Ах, вот он где!

Это был приказ о зачислении меня на работу. Сверилась с моим паспортом в правильности написания имени и фамилии.

– Ну, всё! – облегчённо вздохнула она, как будто только что опустила тяжёлую поклажу.

Полистала, полистала деньги и протянула мне:

– Распишитесь здесь и здесь!

Расписался.

– Ну, и подпись у вас! Прямо, как у министра финансов.

– Ага! – хмыкнул я довольный.

– Эти деньги на командировочные расходы! После за каждый день, чтобы отчитались!

Позовите сюда ещё Алексея Павловича Попова, он с вами должен ехать.

Какая командировка? Куда? Какой Алексей Павлович?

Палыч

Я вышел в замешательстве из бухгалтерии. Навстречу шёл крепкий лет сорока мужик с высоким выющимся зачёсом, что-то соображая на ходу. Об этом говорил его отсутствующий взгляд и какая-то рассеянная походка. Чуть не столкнувшись со мной, он остановился, встряхнул головой, как конь, на лице появилась лукавая ухмылочка знающего человека.

– Ты что ль новенький мастер производственного обучения у сварщиков?

– Я!.. Только меня с учениками не познакомили.

– А у нас такой группы и нет вовсе. Её ещё набрать надо. Ты командировочные получил?

– Получил.

– Давай сюда!

Я многого наслушался о современных учебных заведениях: и, как там учат, и, как грабят свои своих же сверстников, и, как на это, спустя рукава, смотрят учителя и воспитатели, но, чтобы так вот сотрудники отбирали друг у друга деньги?! Нет, такого дикого беспредела, мне слышать не приходилось.

– ?!!! – я настороженно, на всякий случай, сжав кулаки для ближнего боя, уставился на него:

– Вы что ли Попов Алексей Павлович? – уважительное «Вы» вырвалось у меня больше по привычке.

– Я, я – шляпка от фуя! – доброжелательно посмеиваясь, сказал он. – Ты водку пьёшь? – ошарашил меня своим вопросом.

– Бывает..., – замявшись, отвечаю.

– *Бывает* — моя бабка всё забывает, – передразнил он, упираясь, на произношение – «бывает».

– Ну, бывает, пью! А, что?

– Мы с тобой на целый месяц в командировку едем, понял? Надо, чтобы деньги в одном кармане были. Хочешь, ты возьмишься командовать. Только я тебя не знаю, а про меня у кого хошь спроси. Не обману. Щас из столовой загрузим продукты и – на коня!

Грузились долго. В допотопный, трёхосный ЗИЛ сначала загрузили матрацы из общежития и солдатские суконные одеяла. Потом из столовой, этот Алексей Павлович, а попросту «Палыч», как я его потом называл, добрейший компанейский мужик, всё грузил сам: несколько кругов колбасы, банок десять тушёнки, мешочек пшена, порядочный брусок сала, пару банок сгущёнки и в полиэтиленовом пакете, судя по кровоподтёкам, сырое мясо и несколько буханок хлеба.

Моему удивлению не было конца:

– Куда такая прорва? На северный полюс, что ли?

– А вот и не угадал, – смеётся Палыч, – запас карман не трёт, хлеба не просит: монах монашку не е..., а член всегда с собой носит. Ну, давай на дорожку! – Палыч достаёт из туго набитого вещмешка бутылку, режет на широком ржавом буфере нашей колымаги хлеб, колбасу. Подаёт мятую алюминиевую кружку – Дёрнем!

Хорошо день начинается, подумал я, принимая кружку:

– Бывай!

– Буду! – Палыч принимает от меня посуду, и булькает себе.

– Сашка, будешь? – кричит он в кабину водителю, молодому парню почему-то в солдатской форме. Видно, что только-только справил дембель.

– Давай! – крупными здоровыми зубами улыбается парень.

Допили остатки.

– На крыло? – спрашивает Сашка.

– Форвердс! – уступил Палыч мне место в кабине, отодвинувшись к шофёру.

Кабина просторная. Сидеть хорошо, свободно. Боковое стекло опущено. Едем. По щеке шпарит подгоняемое ветром солнце. Весна в самом разгаре. Только отшумели Первомаи. Впереди ещё праздник – День Победы.

Начало мая сухое, жаркое, погода, как в июле месяце. Хорошо едем. Правда в кабине громовень и стукота разболтанного железа, но скорость держим. Переехали через мост. Пригородный лес. Город остался за спиной.

...Тут надо сказать несколько слов о проблемах набора учащихся на следующий учебный год, – самая острая и беспокойная задача директора училища Николая Ильича Кривопалова, человека крепкой русской закалки в традициях исторической педагогики того самого Макаренки. Сам Николай Ильич, из подранков войны, безотцовщина, воспитанник ремеслухи, поэтому ему хорошо были известны все тонкости и нюансы поведения своих подопечных, как учеников, так и сотрудников.

В том учебном заведении, где мне предстояло работать, без жёстких и неординарных мер к ученикам не подступиться. У них свой порог доступности. Без крутого общения с первых же минут знакомства, они могут перетереть тебя в муку. У преподавателей на них не было ни малейших мер воздействия, кроме, как угроза применения физической силы или само применение, что я и наблюдал в первый же день у директора в кабинете и хорошо уяснил для себя местную педагогику.

В училище набирался ещё тот контингент. Мягкость, уговоры и проба убеждений воспринимались здесь, как слабость со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кое-как рекрутированные в учебные группы рабочих непрестижных профессий: каменщики, штукатуры, моляры, плотники, бетонщики, ну и, конечно, монтажники, уважали, правда, не только силу, но и авторитет самих мастеров производственного обучения. В чём я неоднократно убеждался позже.

Набор, только на автомехаников был всегда полный, а на остальные специальности поставлялись рекруты из детских домов и сельской местности, где кроме скотника и дояра на работу не устроиться.

Трактористов и механизаторов представляли демобилизованные армейцы, а подростки, едва осилившие несколько классов, и не умеющие правильно написать свою фамилию, пополняли в стране многочисленные строительные учебные заведения.

Азы профессии давали мастера *«...потому я в училище мастер, а не просто учитель труда»*, как то прочитал я в методичке одного такого педагога.

На ближайшее время наша с Палычем задача была наиболее трудна и ответственна: набор учеников сродни поступлению урожая в закрома родины. Цыплят по осени считают.

Палыч с заговорщицким видом, наклонившись ко мне, инструктировал о своих методах изъятия заявлений и справок со школы о неполном среднем образовании. Документы ждут, как манны небесной в училище. От этого зависят ставки и оклады сотрудников всех профилей и должностей. Чем больше мы привезём бумаг, тем почётнее будем выглядеть на очередном педсовете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.